

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРНО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ СВЯЗИ

И.Н. Райкова

ЭФФЕКТ ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ КАК ОСНОВА УСТНОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ ДЕТСТВА

В статье на материале традиционной культуры детства (фольклора взрослых для детей, творчества детей и подростков) исследуется эффект обманутого ожидания как основа комического. Раскрывается его механизм в нескольких случаях: ожидания известного исходного текста, известной жанровой модели, определённого характера содержания, определённой коммуникативной ситуации. Прослеживается объединяющая роль эффекта обманутого ожидания для различных жанров.

Ключевые слова: эффект обманутого ожидания; детский фольклор; комическое; текст; пародия; жанр.

Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

А.С. Пушкин

Не будет преувеличением сказать, что детский фольклор в наше время носит по преимуществу смеховой, комический характер. Дети перенимают от взрослых и создают сами в первую очередь произведения комические. Именно способность слова вызывать смех, давать исполнителю и слушателям смеховую психологическую разрядку и является мощным стимулом для продолжения жизни традиционных произведений в наше время вечных проблем и стрессов. О распространении смеховой, карнавально-игровой культуры во все переходные эпохи (а рубеж XX–XXI веков тоже является таковой), когда «ценности, бывшие некогда сакральными, предаются осмеянию» [3: с. 14], неоднократно писали не только фольклористы, но и историки, философы, культурологи. Для детей с самого раннего возраста, школьников, подростков, молодёжи эта сторона фольклора (наряду с его игровой составляющей) наиболее привлекательна. Часто смешное в детской традиции соединяется со страшным, ужасным, и смех одолевает страх.

Однако нам представляется, что комический потенциал — исконное свойство традиционной культуры детства (и материнского, и собственно детского творчества, и общих жанров взрослых и детей), лишь актуализирующийся, становящийся более востребованным в последнее время. Посредством смеха, основанного главным образом на разного рода несоответствиях, происходит познание ребенком мира (направленное взрослым либо

стихийное) в его различных, порой контрастных, противоречивых гранях, сочетаниях на первый взгляд несочетаемого и, конечно же, самопознание, в частности освоение умения увидеть себя со стороны, посмеяться над самим собой, формирование нестандартного, парадоксального мышления, интеллектуальной гибкости и т.п. Кроме того, для взрослеющего человека немаловажно, что восприятие комического способствует освоению коммуникативных навыков — внимания к произнесённому слову, умения слушать и слышать собеседника, терпения в ситуации общения.

На наш взгляд, основное средство создания комического в детском фольклоре — эффект обманутого ожидания. Все остальные приёмы и средства (игра слов, созвучий, рифма, олицетворение и др.) подчиняются ему, участвуют в его создании, он же является ключевым. Суть его в том, что вслед за обещающим нечто определённое началом происходит подмена другим, идёт парадоксальный поворот, зачастую снижающий, дискредитирующий изначально данное. Несоответствие того, что вдруг «предлагают», тому, что первоначально «было заявлено», вызывает смех. Текст, основанный на этом эффекте, содержит в себе некое противоречие: одни его элементы создают определённые ожидания, другие же их разрушают.

Эффектом обманутого ожидания занимались специалисты разных областей знания. Лингвисты, специалисты по риторике, характеризуют его так: «Обманутое ожидание — это сцепление или градация с нарушением в конце. Например, последняя строчка стихотворения, вопреки ожиданию, ни с чем не рифмуется — нарушено сцепление. В последнем члене градации вместо усиления неожиданно возникает ослабление — нарушена градация»¹. Впрочем, здесь дана схема лишь частного проявления названного эффекта. Специалисты в области рекламы справедливо полагают, что плохо предсказуемые, неожиданные элементы рекламного текста сильнее действуют на восприятие читателя / зрителя и способствуют запоминанию рекламы.

Психологи трактуют названный эффект как нарушение изначальной психологической установки, следствие её негибкости, ошибочное прогнозирование. Психолингвисты — как конфликт предсказуемости и непредсказуемости текста. Практические психологи предостерегают таких «негибких» людей: эффектом обманутого ожидания с успехом пользуются мошенники. «Этот приём заключается в том, что человеку, которого хотят обмануть, выдают некоторую информацию, с учётом которой потенциальная жертва прогнозирует дальнейшее развитие событий в наиболее вероятном

¹ Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. Часть 1 / Г.Г. Хазагеров // http://www.textfighter.org/text7/09_rechi_byit_orator_7.php.

направлении. Обманщик же поступает иначе, тем самым нарушая ожидания жертвы. Цель его сообщения в том и состояла, чтобы направить мышление собеседника по пути актуализации наиболее часто встречающихся знакомых ситуаций. Таким образом, сам обманутый всегда является как бы невольным соучастником обмана: он жертва собственных неадекватных представлений о действительности»¹. Биологи нашли отдельный участок мозга, «отвечающий» за подобный эффект. Британские ученые из Университетского колледжа в Лондоне (University College London) обнаружили, что мозг человека по-разному реагирует на совершенно новую и *наполовину новую* ситуацию. Во втором случае возникает особая реакция, связанная с несоответствием реальности ожиданиям, так называемый «эффект обманутого ожидания». При этом возбуждается особый отдел мозга — гиппокамп².

Применительно к детскому фольклору эффект обманутого ожидания еще не становился предметом специального рассмотрения, хотя многократные указания на него, безусловно, имеются. М.П. Чередникова, изучающая детскую народную культуру междисциплинарным методом, на стыке филологии и психологии, предлагает считать «заманку», основанную на логике парадокса, интеллектуальной и словесной игровой формой, объединяющей разные жанры фольклора. Причём проигравший в этой игре, считает исследовательница, на самом деле побеждает: «Смех, направленный на себя, — источник рождающейся мысли» [7: с. 8–9]. Примерно о том же писал в одной из своих лекций по структуральной поэтике Ю.М. Лотман применительно к литературе, имея в виду случай, когда читатель ошибается в своих прогнозах: «победа художника доставляет побеждённому читателю эмоциональную радость» [4: с. 238].

Попытаемся разобраться в механизме эффекта обманутого ожидания на материале детского фольклора. С чем именно могут быть связаны ожидания или прогнозы слушателя фольклорного текста?

Во-первых, это *известный исходный текст*. Слушатель знает наизусть или приблизительно фольклорный или литературный (авторский) текст, который начинает звучать, ожидает услышать его до конца, но вместо него получает нечто другое. Это, пожалуй, самый «точный» прогноз слушателя, а потому самый явный и смелый «обман».

Так происходит в школьных песнях и стихках — пародиях. Как известно, материалом для пародирования выступают классические литера-

¹ Коноваленко М.Ю. Карманный справочник обманщика, или Когда ложь не удаётся / М.Ю. Коноваленко // <http://b-tr.narod.ru/spravo4nik.htm>.

² Сообщает inauka.ru.

турные произведения, относящиеся к числу так называемых хрестоматийных, — их изучают и даже учат наизусть на школьной скамье. Например, мы начинаем слушать красивое стихотворение Ф. Тютчева, а заканчиваем — грубую подделку, впрочем, вполне логично сплетенную с оригиналом: «Люблю грозу в начале мая: / Как гроханёт — и нет сарая»¹. Или более пространственный вариант, в котором и подмена начинается позже, с третьего стиха: «Люблю грозу в начале мая, / Когда весенний первый гром / Как долбанёт из-за сарая, / Что загорятся лес и дом» [ФА МГПУ].

Есть в подростковом репертуаре более изящные и изощрённые стишки-пародии. Например, в одном из них у слушателя формируется не одно «ожидание», а два, они вполне определены, даже создаётся иллюзия, что одно поддерживает другое, однако всё-таки оба остаются «обманутыми». Речь идет о переделке, которая перемежает строки из произведений Пушкина и Некрасова, не меняя при этом ни одного слова. Это остроумная игра двумя источниками, основанная на общности стихотворного размера и способа повествования:

Однажды в студёную зимнюю пору
Сижу за решеткой в темнице сырой.
Гляжу: поднимется медленно в гору
Вскормлённый в неволе орёл молодой.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Мой верный товарищ, махая крылом,
В больших сапогах, в полушубке овчинном
Кровавую пищу клюёт под окном².

Исходный текст, который слушатель помнит в точности, может быть из области малых жанров. Так, подростки и молодёжь создают современные переделки традиционных народных пословиц, тоже наиболее распространённых, хрестоматийных. Вместо известной с детства народной мудрости мы неожиданно получаем нечто новое, изменяющее смысл всего целого. При этом к законченному исходному тексту может присоединяться новая, конкретизирующая часть: «Не в деньгах счастье, а в их количестве»; «Не имей сто рублей, а имей сто друзей, у которых можно занять по сто рублей»; «Тише едешь — дальше будешь от того места, куда едешь». Или вторая часть старого текста заменяется но-

¹ Фольклорный архив кафедры русской литературы и фольклора Московского городского педагогического университета (далее — ФА МГПУ). Зап. студентами филологического факультета в 2000-е годы в Москве.

² Личный архив И.Н. Райковой (далее — ЛАР). Зап. в 1990-х годах в Москве.

вой: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось»; «Чем дальше в лес (влез), тем ближе вылез»; «Не рой другому яму, пусть сам роет»; «Ученье — свет, а неученье — приятный полумрак» [ФА МГПУ, зап. в 2000-е годы в Москве]. Аналогично создаются переделки известных авторских афоризмов: «Рождённый ползать летит недолго»; «Рождённый ползать упасть не может» [1: с. 365]; «Сюда я больше не ездок! / Карету мне, карету / И носовой платок!» [ЛАР].

Материалом для современной переделки в среде детей и подростков выступает и традиционная загадка, опять же из числа общеизвестных. Образная часть исходной загадки остаётся неизменной, старая же отгадка к ней неожиданно оказывается «неправильной». Она заменяется новой, чаще всего отражающей новые социальные реалии. Причём зафиксированы различные варианты таких «подменных» отгадок к одной загадке: «Зимой и летом одним цветом» (Нос пьяницы; доллар; здание школы); «Висит груша, нельзя скушать» (Тетя Груша повесилась; боксёрская груша; слабак на перекладине) [2: с. 454¹].

Во-вторых, это известная жанровая модель. Это ожидание касается главным образом традиционной художественной формы, характерной для того или иного жанра. Если для описанной выше группы произведений исходные тексты, как мы показали, могут быть из области не только фольклора, но и литературы, то в этом случае детская традиция использует фольклорные жанровые модели как более устойчивые. Вот типичные «обманные» пути: сказка => докучная сказка; страшилка => «антистрашилка»²; садистский стишок => «добрилка» («хэппиэндовка»).

Докучные сказки (термин ввёл в оборот В.И. Даль) исследователи называют несостоявшимися сказками, сказками-прибаутками (В.П. Аникин), сказками-обманками (М.Н. Мельников), сказками-пародиями (А.И. Никифоров). В докучной сказке присутствуют характерные приемы «настоящей», классической сказки: зачин «жили-были», инверсия, повторы и др., а также сказочные ритмика и интонация. Она начинается совсем как настоящая сказка, а затем вдруг либо стремительно заканчивается, лопается, как мыльный пузырь (сказка-коротушка и усечённая сказка): «Жили-были старик да старуха / Жили-пожили, устроили шалаш. / Потопышкались и шабаш» (с. 102), либо, наоборот, длится бесконечно долго, повторяясь каждый раз с начала (бесконечная с кольцевым повтором) или «зацикливаясь»

¹ Далее страницы в этом издании даются после цитируемого фольклорного текста в круглых скобках.

² Здесь и далее в кавычки заключены еще не устоявшиеся в научной литературе жанровые наименования.

на повторении одного фрагмента (бесконечная с маятниковым повтором): «Жил-был Кощей Бессмертный. / Решил он построить дворец из костей. / Решил мочить. / Мочил, мочил их — / Перемочил, / Начал сушить. / Сушил, сушил — / Пересушил, / Начал мочить. / Мочил, мочил...» (с. 106).

Так или иначе ожидания ребенка услышать сказку не оправдываются, он получает вместо нее «дырку от бублика». Такое веселое «оборонительное средство» мамы (бабушки, няни) от докучающего ребенка выработала традиция. Без прямой назидательности докучная сказка воспитывает в маленьком человеке такие важные качества, как терпеливость, уважение к собеседнику.

«Антистрашилка» как прозаический смеховой собственно детский жанр, близкий анекдоту, эксплуатирует поэтику страшилки — детского мифологического рассказа. Любопытно, что в естественной ситуации бытования страшилки и «антистрашилки» исполняются подряд, вперемежку: детская традиция как стихийная, но саморегулирующаяся система «дозировать» восприятие ужасного, не дает последнему господствовать безраздельно.

Итак, «антистрашилка» своим началом не предвещает ничего хорошего, нагнетает страхи и сулит самый «ужасный ужас» в кульминации, и вдруг... сменяет гнев на милость, предлагая приземлённую, трогательную, разрушающую страхи смехом концовку: «В одном городе жила семья: бабушка, папа, мама, старший брат и младшая сестра. И вот однажды из-под двери большой комнаты стало расплываться желтое пятно! Туда вошёл папа. Он не вернулся. Вошла мама. Не вернулась. Вошла бабушка. Не вернулась. Вошёл старший брат. Не вернулся. Наконец младшая сестра решила посмотреть, что же происходит. Открыла дверь, а там... котенок описался!» (с. 371).

Аналогично соотношению страшилок и «антистрашилок» соотношение собственно детских жанров иронической поэзии — садистских стишков и пародирующих их жанровую модель «добрилок» («хэппиэндовок»)¹. Однако между этими парами есть отличие. Смеховое видение мира, дискредитация страха и запугивания смехом в форме чёрного юмора характерны уже для самого жанра садистского стишка; прозаические же страшилки, подобно взрослым мифологическим рассказам (быличкам), имеют установку на достоверность, воспринимаются слушателями серьёзно.

Четыре стиха «добрилки» на удивление много вмещают. Ожидаемое по законам садистского стишка смертоубийство (а то и не одно) уже под-

¹ И тот, и другой — жанры литературного происхождения, но уже прочно вошедшие в фольклорную традицию.

готовлено, оно вот-вот произойдет, однако... как по мановению волшебной палочки, страшный мираж рассеивается и следует хэппиэнд: «Трактор стоял на подворье большом. / Маленький мальчик к нему подошёл. / Дёрнул рычаг и... поехал пахать. / — Фермер растёт! — улыбается мать» [ФА МГПУ].

В-третьих, это *определённый характер содержания*. Подобное ожидание реализуется в тех жанрах, где нет такой устойчивой формальной организации, как в сказке, страшилке и садистском стишке. Так, в школьном сатирическом куплете нейтральное, даже по видимости серьёзное начало взрывается парадоксальной последней фразой:

Я спросил сегодня Васю:

«Чем ты, Вася, занят в классе?»

Он задумался слегка

И ответил: «Жду звонка!» [ФА МГПУ]¹

А в следующем куплете, где речь, казалось бы, идёт о мелких детских обидах и шалостях, мы никак не ожидаем, что обиженному помогут современные информационные технологии: «Петька, жадина, не дал / Откусить конфету! / Я ему за это дам... / С вирусом дискету!» [ФА МГПУ].

Чаще всего с подобными ожиданиями мы встречаемся в различных разновидностях жанра загадки, так как тематический спектр жанра почти безграничен, а формальная организация её индизонимной (образной) части и способы соотнесения этой части с отгадкой весьма многообразны и порой непредсказуемы.

Однако следует пояснить, почему жанр загадки мы рассматриваем как принадлежащий традиционной культуре детства. На наш взгляд, загадка занимает исключительное положение в системе фольклорных жанров, являясь в равной степени достоянием как взрослой, так и детской традиции. Это отражается и в научных сборниках текстов: загадки включают в сборники паремий, с одной стороны, и детского фольклора — с другой. Действительно, исконно загадка бытовала в среде взрослых, реализуя их мифологическое сознание. Она помогала человеку установить разорванные связи между предметами и явлениями в мире, отношения между собою и миром. Один из источников жанра — тайная речь охотников, позже ремесленников, торговцев. Загадка вошла в свадебный обряд, мифы и сказки. С другой стороны, загадка — органичная часть поэзии пестования, важное народно-педагогическое средство. И это закономерно: для жанра характерны предметность, направленность к жизненным деталям (в отгадке) и в то же время

¹ Ср. студенческое: «Позвонил мне Иванов: / — Я к экзамену готов! / — А чего сдаем, Сережа? / — Мне так по фиг... — Мне так тоже!...» [ФА МГПУ].

буйный полёт фантазии (в образной части). Но она же, подобно прибаутке, докучной сказке, скороговорке, перенимается от взрослых детьми, становясь неотъемлемой частью их активного репертуара. Наконец, загадка в её поздних модификациях является продуктом собственно детского фольклора. Интересно, что в детской среде в наше время бытуют практически все (в том числе исконно взрослые) разновидности жанра [5].

Итак, загадка. Слушатель понимает, что его ожидания обмануты, когда узнаёт отгадку. «В какие ворота въезжал Пётр I?» (В открытые) (с. 438). Ребенок думает, что ему предлагают серьезный вопрос по «истории с географией», требующий эрудиции, а выясняется, что это простейший логический вопрос. Попадает в ловушку в данном случае тот, кто не предполагает самого очевидного. В загадке, основанной на игре слов (естественно, если отгадчика не предупреждать, на чём основана загадка — на игре слов, буквах алфавита, внимательности и др.), слушатель уже начинает в уме решать простейшую арифметическую задачу — отгадка же показывает, что следовало задуматься над логическим вопросом: «Три слона на суше, Три слона в воде. Сколько будет?» (Один: сколько ни три, слонов не прибавится) [ФА МГПУ]. Здесь, напротив, ловится на удочку тот, кто мыслит прямолинейно.

По ложному пути зачастую ведёт отгадчика и традиционная метафорическая загадка. Так, мы слушаем текст о каком-то странном человеке, и ни одна чёрточка в его портрете не намекает на то, что зашифрован неодушевленный предмет: «Ехал Пахом / На коне верхом, / Грамоты не знает, / А газеты читает» (Очки) (с. 432).

Не менее яркие образы и неожиданные подмены характерны и для метафорических загадок, записанных вильнюсскими коллегами от старообрядцев Литвы в XX веке и опубликованных в обширном собрании русского фольклора в Литве, подготовленном Ю.А. Новиковым. Составителю удалось отобрать редкие тексты и варианты загадок. Вот примеры из этого сборника. Человек неожиданно превращается в явление природы: «Длинный Митрошка / Стучится в окошко» (Дождь) [6: с. 543]. Элемент природного ландшафта вдруг становится едой: «Маленькое озёрко, а дна не видать» (Молоко в чашке) [6: с. 545]. Животное оборачивается садовым инструментом: «Между двумя дубами / Застряла свинья зубами» (Пила) [6: с. 548].

В-четвертых, это *определённая коммуникативная ситуация*. Ожидание реализуется главным образом в жанре поддёлки. Юные острорословы пытаются поймать, поддеть на словесный крючок прямолинейных и медлительных, интеллектуально менее гибких товарищей.

Попастся в ловушку нормально развивающийся ребёнок может только один раз, затем он уже сам выступит в роли поддевающего новичков, поскольку дети быстро проходят курс речевого общения. Особую же радость доставляет ребёнку, когда удаётся поддеть старшего товарища, а то и взрослого человека.

Итак, ожидания в поддёвках. Ребёнок думает, что он участник ни к чему не обязывающего бытового диалога — и тут же попадает в ловушку: «— Щи или каша? / — Каша. / — Пуговица наша!» (Начавший игру отрывает пуговицу с пиджака партнера) (с. 332). Более того, ребенок может вообще не предполагать ответа собеседника на свою «реплику» — но тот не заставляет себя долго ждать: «— А... / — Ворона-кума, / — Галка-крестница, / — Тебе ровесница, / — Тебя крестила-крестила / И в помойную яму опустила!» (с. 329). Отгадчик полагает, что его уточняющий вопрос звучит «внутри» художественного текста загадки-поддёлки, а оказывается, что собеседник его уже вывел «вовне», в ситуативный контекст:

- Знаешь, как расшифровывается слово «Дуня»?
- Как?
- «Д» — «дураков»,
- «У» — «у нас»,
- «Н» — «нет».
- А «Я»?
- Ну, разве что ты... (с. 332).

Подделки и остроты не уходят вместе с детством. Их молодёжные и взрослые варианты не так широко, как детские, распространены, однако юмор их более изощрён: «— Вот... / — Дали ему год! / — Да... / — Дали ему два!» [ЛАР].

Материал этого жанра, вообще достаточно редко фиксируемый собирателями и тем более редко публикуемый, есть и в названном выше сборнике русского фольклора в Литве. Так, в следующем тексте спрашивающий ожидает от собеседника оправданий, а сам оказывается посрамлённым: «— Что молчишь, как немой? / — А я и есть не твой» [6: с. 530].

Мы затронули лишь один вопрос, касающийся эффекта обманутого ожидания в произведениях детского фольклора: характера самих ожиданий. Однако в результате этого небольшого анализа выявляется ключевая роль данного приёма в «детской» смеховой эстетике, его положение над другими поэтическими приёмами и его наджанровый характер.

Литература

1. Вальтер Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 576 с.
2. Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой. – М.: Русская книга, 2002. – 560 с. – (Б-ка русского фольклора; Т. 13).
3. Каргин А.С. Смех и традиционная культура / А.С. Каргин, Н.А. Хренов // Человек смеющийся: сб. науч. ст. / Сост. А.С. Каргин, А.В. Костина, Н.А. Хренов. – М.: ГРЦРФ, 2008. – С. 7–18.
4. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 10–257.
5. Райкова И.Н. Загадка сегодня: традиции и новации / И.Н. Райкова // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. мат-лов науч. конф. / Сост. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова. – Вып. 6. – М.: ГРЦРФ, 2004. – С. 7–15.
6. Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследование / Изд. подгот. Ю. Новиков. – Т. 1. Сказки. Пословицы. Загадки. – Вильнюс: Изд-во Вильнюсского педагогического университета, 2007. – 570 с.
7. Чередникова М.П. О парадоксальной логике детского фольклора / М.П. Чередникова // Чередникова М.П. «Голос детства из дальней дали...» (Игра, магия, миф в детской культуре) / Сост. В.Ф. Шевченко. – М.: Лабиринт, 2002. – С. 28–32.

I.N. Raykova

**An Effect of Frustrated Expectation
as a Base of Oral Laugh Culture of Childhood**

In the article an effect of frustrated expectation is researched as a foundation of laugh using the materials of traditional children's culture (adult's folklore for children, children's and teenager's arts). The effect's way of functioning is shown in several cases, such as: expectations of already known original text, already known genre model, definite character of content, definite communicative situation. The connecting role of the effect of frustrated expectation for different genres is clearly exposed.

Key words: an effect of frustrated expectation; children's folklore; comic genre; text; parody; genre.